

© 2004 г.

Б. ФЛИВБЕРГ

КЕЙС-СТАДИ В КОНТЕКСТЕ КАЧЕСТВЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

ФЛИВБЕРГ Бент - профессор Альборгского университета (Дания).

Когда-то мне пришлось проводить свое первое глубинное кейс-стади (далее - КС) исследование проблем городской политики и планирования в датском городе Альборге [Подробнее см.: 1]. После университета я знал модель "экономического человека", знал о конкуренции, свободных рынках. Вникнув в происходившее здесь за закрытыми дверями, я обнаружил, что "экономического человека" в городе нет. Местное бизнес-сообщество вместе с политиками и управленцами активно искало пути, как блокировать конкуренцию и свободу рынка, создавая себе привилегии. Что касается датской демократической модели представительной демократии, город Альборг демонстрировал крайне недемократичный, полу-институционализированный способ принятия решений. Лидеры бизнеса и городского правительства, создав тайный совет, фактически подменили демократически избранный совет города, принимая решения по развитию города. С тех пор я верю в преимущества КС. В связи с этим хочу коснуться наиболее важных граней споров о месте КС в контексте количественной и качественной методики социологических исследований.

Кейс-стади действительно часто содержат существенный элемент нарратива. Но хорошие нарративы, как правило, близки к сложностям и противоречиям реальной жизни. Соответственно такие нарративы бывает весьма трудно или невозможно обобщить в виде аккуратных научных формул, общих предположений и теорий [2, 3, 4, 5, 6]. Критики КС часто видят в этом недостаток. Но для исследователя, пользующегося методом КС, особо "плотный" и трудный в обобщении нарратив не проблема.

Скорее это часто признак того, что исследование раскрывает достаточно важные проблемы. Поэтому вопрос не в том, всегда ли желательно обобщать и подводить итоги, что критики метода считают идеалом. Ницше ясно ответил на этот вопрос:

"Прежде всего, - говорил он о занятиях наукой, — не следует стремиться лишать экзистенцию ее богатой неопределенности" (курсив оригинала).

Проводя исследование в Альборге, я пытался ухватить богатство неопределенности политики и планирования в современном демократическом обществе. Этого я добивался, фокусируя глубинные интервью на конкретных событиях, составивших мой кейс, и на деталях, составивших события. Работа с деталями требует времени, и, признаюсь, за несколько лет работы в архивах, интервью, наблюдений, бесед с информантами, написания, получения обратной информации передо мной не раз

вставал

грызущий вопрос. Этот вопрос всегда преследует многих, кто проводит глубинные, плотные КС: "А кому нужно знать об этом случае, да еще в таких подробных деталях?". Я хотел, чтобы Альборгское исследование стало особенно плотным, позволив мне проверить тезис, что большинство интересных явлений в политике и планировании, да и вообще имеющих всеобщее значение, следует искать в мельчайших и самых конкретных деталях. Ричард Рорти вдумчиво отметил, что способ расколдовать мир - это держаться конкретного. Ницше также ратовал за концентрацию на "мелочах". Рорти и Ницше, как мне представляется, правы. Я увидел, что альборгский кейс состоит из того типа конкретных мелочей, о которых говорят люди. Более того, я считаю этот случай тем, что Ницше называет дискретной и по видимости незначительной истиной, которая при ближайшем рассмотрении обнаруживает в себе зародыш парадигм, метафор и универсализма. Это было моим тезисом, но тезисы могут быть неверны и КС могут провалиться. Я действительно вздохнул с облегчением, когда в итоге стратегия концентрации на мелочах оправдала мои усилия.

Лиза Питти [7, р. 260] вполне определенно предостерегает от обобщения плотных кейс-стади: "Самое ценное в кейс-стади - контекстуальная и взаимопроникающая природа сил - теряется при попытке все суммировать в виде больших и взаимоисключающих концептов". Плотные КС, считает Питти, полезнее для практиков и интереснее для социальной теории, чем и "находки" фактов и теоретические обобщения высокого уровня.

Альтернатива обобщения и "закрытия" кейс-стади - оставить его открытым. Я обнаружил, что для обеспечения открытости особенно хорошо работают две следующие стратегии. 1. При описании КС я воздерживаюсь от роли всезнающего рассказчика и обобщителя. Напротив, я пересказываю историю в ее разнообразии, позволяя ей разворачиваться из многогранных, сложных и иногда конфликтующих историй, которые акторы данного случая мне рассказывали. 2. Я избегаю связывать свой случай со специальными теориями любой науки. Вместо этого я его связываю с широкими философскими позициями, не укладывающимися в какую-либо одну специальность.

Этим

способом я пытаюсь оставить открытой возможность по-разному интерпретировать данные и делать разные заключения по проблеме исследования. Цель - не превращать КС во все для всех. Цель в том, чтобы сделать случай разной вещью для разных людей.

Я пытаюсь этого добиться, описывая случай по всем его граням, - как и саму жизнь, чтобы привлечь, или оттолкнуть разных читателей разными сторонами случая.

Читателям не подсказывают какой-то теоретический путь и предположение, что в конце пути может лежать истина. Читателям придется самим находить путь и истину в этом случае. Таким образом, в дополнение к интерпретациям акторов и рассказчиков случая читателя приглашают решать, каково значение случая, и изучать интерпретации акторов и рассказчиков, чтобы ответить на категорический вопрос каждого: "Этот случай - случай чего?".

Записанные таким образом рассказы о случаях нельзя ни кратко пересказать, ни суммировать в форме неких главных выводов. Сама история случая - результат. Это, так сказать, "виртуальная реальность". Для читателя, готового войти в эту реальность, исследовать ее изнутри и снаружи, наградой будет чувствительность к имеющимся проблемам, которую не дает теория. Студентов можно спокойно пускать гулять по этой

реальности ради полезной тренировки, возможности проникнуть внутрь практик реальной жизни, чего часто недостает в академической подготовке.

Если кратко вернуться к феноменологии обучения человека, можно понять, почему обобщение КС не всегда полезно, а иногда может быть контрпродуктивным. Знание начинающего состоит как раз из редуцированных формул, характерных для теории. В то же время истинное мастерство основано на интимном опыте, на тысячах индивидуальных случаев и на способности различать ситуации со всеми их нюансами, различиями, не отфильтровывая их до состояния формул или стандартных образцов. Проблема здесь аналогична неспособности поисковых компьютерных экспертных систем прилиться к уровню виртуозов человеческой экспертизы, даже если эти системы сравнимы с экспертами, придумавшими правила этих систем. Ибо эксперты не используют правила, а действуют на базе опыта детальных случаев. Этот - настоящая экспертность. Правила же для экспертных систем формулируются лишь потому, что системам нужны правила; правила - это характеристика экспертных систем, но не реальных живых экспертов.

Аналогичным образом можно сказать, что формулирование правил тогда, когда исследователи, обобщая свои труды, превращают их в теории, - характеристика культуры исследования, исследователей и теоретической деятельности. Но такие правила необязательно являются частью изучаемой реальности, конституируемой "виртуозными социальными акторами" Пьера Бурдьё [8, р. 8, 15]. При таком обобщении можно потерять кое-что сущностное, а именно — возможность понять виртуозность социального действия, которые, по Бурдьё, нельзя дистиллировать в теоретические формулы. И именно опасение потерять это "кое-что" делает исследователей, пользующихся методами КС, осторожными при обобщении полученных результатов: они предпочитают быть скептиками, удаляя феноменологическую деталь ради совершенства формулы.

Людвиг Витгенштейн разделял такой скептицизм. Он использовал следующую метафору, описывая свой подход к использованию КС в философии: "Обучая вас философии, я подобен гиду, знакомящему вас с Лондоном. Мне нужно провести вас через город с севера на юг, с востока на запад, с Юстона до набережных и от Пикадилли до Мраморной арки. Когда я проведу с вами несколько путешествий по городу в самых разных направлениях мы побываем на каждой конкретной улице определенное число раз - всякий раз пересекая эту улицу в ходе нашего путешествия. В итоге вы будете знать Лондон; вы сможете найти дорогу в городе как лондонец. Конечно, хороший гид проведет вас по интересным улицам чаще, чем по улицам невзрачным; плохой гид поступит наоборот. В философии я, скорее, плохой гид" [9, р. 51].

Этот подход подразумевает исследование феноменов из первых рук, а не по карте. Реальные практики изучаются раньше правил. Нельзя довольствоваться изучением лишь частей практик, открытых публике. Это то, что Эрвин Гоффман [10] называл "задней сценой" социальных явлений. Их нужно тоже исследовать, как и улицы, о которых говорит Витгенштейн.

В смысле влияния на социальные и политические процессы Эббот [11, р. 79] верно заметил, что социальная наука в форме типических кейс нарративов даст "много лучший подход для политического вмешательства, чем теперешняя практика общественно-научных переменных". То же говорил МакИнтайр [12, р. 216]: "Я могу

ответить на вопрос "Что мне надо делать?" лишь в случае, если смогу сначала ответить на вопрос "Частью какой истории или историй я являюсь сам?". Некоторые эксперты отмечали, что нарратив - древний метод и, может быть, наиболее фундаментальная форма понимания, упорядочивания нами опыта [13, р. 175; 14, р. 237, а также: 11, 15, 16, 17, 18, 19, 20].

У МакИнтайра [12, р. 214, 216] человеческое существо - "животное, рассказывающее истории", и понятие истории как науки столь же фундаментально, как и понятие действия. В том же духе Маттингли [14, р. 237] подчеркивает, что нарративы не только придают осмысленную форму опыту, уже пройденному нами. Они также обеспечивают нам видение будущего, помогают предусмотреть ситуации, прежде чем мы с ними встретимся, позволяют предвидеть альтернативы будущего. Нарративные исследования не начинаются и не должны начинаться с подразумеваемых теоретических посылок. Наоборот, они начинаются с интереса к конкретному феномену, понять который лучше всего через нарратив. Нарративные исследования, кроме того, связаны с созданием описаний и интерпретаций феномена с точки зрения участников и исследователей. Лабов [21, р. 37-39] пишет, что когда хороший нарратив завершен "даже посторонний человек не спросит: "Ну и что?". Всякий хороший рассказчик постоянно отвечает на этот вопрос. Нарратив без морали, которую можно выделить и кратко определить, не обязательно бессмыслен. Но нарратив будет безуспешным просто потому, что допускает краткую мораль. Успешный нарратив не позволяет возникать такому вопросу вообще. Нарратив уже ответил на вопрос, прежде чем он задан. Сам нарратив - это ответ" [22, р. 163-164].

Обобщать КС часто трудно, особенно когда речь идет о процессе, и в меньшей мере, результате случая. Но проблемы с обобщением КС чаще бывают вызваны свойствами реальности, чем методом исследования. Часто нежелательно подводить итоги и обобщать КС. Хорошие исследования следует читать как нарративы - целиком.

Еще раз подчеркну, что, вопреки трудности или нежелательности подведения итогов КС-метод в целом может, несомненно, вносить вклад в накопление и развитие знания. Например, используя принципы проверки предположений.

Когда от студентов и коллег я слышу привычные фразы о КС - что невозможно делать обобщения на базе одного случая или что КС - спорные и субъективные, я знаю ответ. В целом эти привычные фразы ошибочны и вводят в заблуждение.

По причинам, приведенным выше, КС - необходимый и достаточный метод решения определенных важных исследовательских задач общественных наук, и этот метод вполне выдерживает сравнение с другими методами всей исследовательской методологии социальной науки.

Когда студенты спрашивают меня о литературе по практике проведения КС, я обычно рекомендую книгу Роберта Стейка - R. Stake. The Art of Case Study Research. 1995. Интеллектуально развитым студентам я дополнительно предлагаю почитать книгу Чарлза Регина и Говарда Беккера - C. Ragin, H. Becker. What is a Case, 1992. Обе книги первоклассные тексты, вполне близкие изложенному выше.

Повторю, однако, что мой взгляд на КС не следует интерпретировать как отказ от исследований по крупным случайным выборкам или по всему населению, например, анкетирования с соответствующим количественным анализом. Этот тип исследования также существенно важен для развития социальной науки, например, для понимания степени, в которой определенные феномены присутствуют в данной группе или как они

варьируют в разных средах. Преимущество крупных выборок — их широта, в то время как их проблема - глубина. У КС ситуация обратная. То есть, оба подхода необходимы для нормального развития социальной науки. Здесь, как и везде, резкое противопоставление, часто встречающееся в литературе, качественных и количественных методов, - призрачно. Это противопоставление есть неудачный артефакт властных отношений и лимита времени на подготовку студентов. Оно не является

логическим следствием того, что следует знать студентам и ученым, чтобы они делали свою работу и делали ее хорошо. По моей оценке, хорошая социальная наука против подхода или-или и за подход и-и в вопросе соотношения количественных и качественных методов. Хорошая социальная наука движима проблемами, а не методологией, поскольку она использует методы, которые лучше всего позволяют ответить на исследуемые конкретные проблемы. Чаше чем нет, сочетание качественных и количественных методов позволяет наилучшим образом решить задачу. К счастью, сейчас, кажется, наступила общая разрядка в давнем и непродуктивном делении социологов на качественников и количественников.

Но, говоря об этом, следует добавить, что баланс между КС и большими выборками в настоящее время склоняется в пользу последних с ущербом для большинства дисциплин. В этой связи стоит повторить предсказание Томаса Куна, что дисциплина без большого числа тщательно проведенных КС - это дисциплина без систематического производства образцовых примеров, а дисциплина без образцовых примеров - неэффективна. В социальной науке увеличение хороших КС поможет поправить эту ситуацию.

Перевод с английского Н.В. РОМАНОВСКОГО

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Flivbjerg B. Rationality and Power: Democracy in Power. Chicago. 1998.
2. Benhabib S. Hannah Arendt and the redemptive Power of Narrative // Social Research, 1990. 57(1), p. 167-196.
3. Rouse J. The Narrative Reconstruction of Science // Inquiry, 1990, 33(2), p. 179-196.
4. Roth P. How Narratives Explain // Social Research, 1989, 56(2), p. 449-478.
5. White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, 1990.
6. Mitchell R., Charmaz K. Telling Tales, Writing Stories: Postmodernist Visions and Realist Images in Ethnographic Writing // J. of Contemporary Ethnography, 1996, 25(1), p. 144-166.
7. Peattie L. Theorizing Planning: Some comments of Flyvbjerg's Rationality and Power // Intern. Planning Studies, 2001, 6(3), P. 257-262.
8. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge, 1977.
9. Gasking D., Jackson A. Wittgenstein as a Teacher // Farm K. (ed.) Ludwig Wittgenstein: Tge Man and His Philosophy. Sussex. 1967.
10. Goffman E. Behavior in Public Places: Notes of the Social Organization of Gatherings. NY, 1963.

11. Abbott A. What Do Cases Do? Some Notes on Activity in Sociological Analysis // C. Ragin, H. Becker (eds) / What is a Case? Exploring the Foundations of Social Inquiry. Cambridge, 1992.
12. MacIntyre A. After Virtue: A Study of in Moral Theory. Notre Dame. 1984.
13. Novak M. "Story" and Experience // Wiggings J.B. (ed) / Religion as Story. Lanham, MD, 1976.
14. Mattingly C. Narrative Reflections on Practical Actions: Two Learning Experiments in Reflective Strorytelling // Schon D. (ed) / The Reflective Turn: Case Studies in and on Educational Practice. NY, 1991, pp. 235-257.
15. Arendt H. The Human Condition. Chacago, 1958.
16. Carr D. Time, Narrative, and History. Bloomington, 1986.
17. Ricoeur P. Time and Narrative. Chicago, 1984.
18. Fehn A. et al. (eds). Neverending Stories: Toward a Critical Narratology. Princeton, 1992.
19. Rasmussen D. Rethinking Subjectivity: Narrative Identity and the Self // Philosophy and Social Criticism. 1995, 21(5-6), p. 159-172.
20. Bal M. Narratology: Introduction to the Theory of Narrative. Toronto. 1997.
21. Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society. Seattle, 1996.
22. Nehamas S. Nietzsche: Life as Literature. Cambridge, 1985.